

Чужие журавли / стихи

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Чужие журавли / стихи ЧУЖИЕ ЖУРАВЛИ

■ Почти

Почти река
под маленьким мостом
течёт почти
вдоль города в низину
и этот яблочный
почти как дом
меня влечёт
как Грузия грузина
и всем
необходимые очки
почти у всех
под ярким солнцепадом
я снова полюбил тебя
почти
и как обычно
я почти что рядом
почти в закат
устремлены глаза
и в ожидании
бессмертного рассвета
идут почти
неслышно поезда
в тебя влюбленного
почти поэта

но вот опять
я улетаю в ночь
и кроме звёзд
почти что всё валяется

а я уже
вернуться бы не прочь
так все почти
почти что не считаются

Мы целовались через листья,
читали Лондона до дыр.
Огни захватывали местность,
а мы захватывали мир.

Мы целовались через годы,
и годы шли, как облака...
Астрологам везло на звёзды,
а нам — на звёзды коньяка.

Стояла поздняя неосень
в преддверии ранней незимы,
но среди всяких отрицаний
стояли пьяные — не мы.

И мы, шатаясь, как деревья,
могли прощаться и прощать,
и целоваться через листья —
любить друг друга натошак.

■ Шкаф

Сначала шкаф загнали в угол,
затем друг друга в этот шкаф,
и притворяться было трудно,
что мы в шкафу искали шарф.

Так мы завязывали наши
глаза на несколько вещей,
пока изнашивался кашель,
что не просачивался в щель.

Но он заканчивался тотчас,

лишь только мысли наши вслух
произносились о песочных
часах, что сыпались на стул

из не утюженных и старых
рубашек клетчатых. Затем
он начинался, и мы стали
не замечать его совсем...

Так душно в комнате, так душно,
что иссушаются слова,
соприкоснувшись вдруг с подушкой,
не завершаясь у стола.

И вроде окна — нараспашку,
и двери делают сквозняк,
но душно в комнате и страшно,
что сделать ничего нельзя.

■ В глазах казарм

В глазах казарм — застыли дни
колючим скомканным пространством.
Полусвободные дожди
сбивают с толку постоянство...

Что значит — быстро уходить?
Что значит — с кем-то расставаться?
Лишь то, что вихревая нить
имеет свойство растворяться,

как молоко в кофейной мгле,
как лишний слог в клубке созвучий.
Мне — там — ходить по всей земле,
сжимая — здесь — в трёх пальцах ручку,

не понимая, что за план
составлен чьим-то «понимаю».

В глазах казарм – квадратный плац,
и жизнь моя, как есть, – прямая.

■ Маме

Молчать в окно, нащупывая шторы,
пока в окне валяется февраль.
И дети возвращаются из школы,
не успевая толком поиграть.

А снег играет, падая в ладони
сегодняшнего вечера, и вот
обыкновенный школьник уже дома
и матери оценки достаёт.

Молчать в окно, докуривая цифры,
случайно оказавшиеся вне.

А цифры – те же клоуны из цирка,
им бы висеть и цокать на стене,

и уходить, но уходить мгновенно,
не требуя печалиться в конце.

Там звёзды объявляют во Вселенной,
а здесь – морщинки на твоём лице...

Молчать в окно, молчать о том, что пройден
определённый жизненный этап.

Поставить чайник, чайник ведь не против
разговориться до утра.

■ Бабушке

Проблем со слухом у старухи
не возникало никогда,
лишь кран покашливал на кухне,
поскольку

редкая вода.

Струилось время
по морщинкам
рекой, длиною в океан,
что был по юности рассчитан,
а получается — в стакан.

Но в нём,
помимо валидола,
непостижимости, утрат,
кричали чайки, бились волны
и солнце жмурилось с утра.

Всё остальное —
где-то в стопках
давно забытых школьных книг
и в непонятной мелкой кнопке,
когда ей кто-нибудь звонит.

Стучит, стучит молчанье в рельсы,
а рельсы, правда, ведь стучат.
Как неподдельна смена действий,
когда за действием — молчат.

Молчаньем строился Египет
при возведении пирамид,
и остальной, сжигая глину,
молчаньем строился весь мир.

Как нет насыщеннее слова,
не проронённого вчера,
так тишиной объятый омут
хранит, действительно, черта.

Молчат преступно наши судьбы,
и мы о них — не говорим,

а жизнь кончается по сути
в неумолкаемой любви.

■ Диалог противоречий
Памяти Рыскулова Дамира

И там, где засуха, – нежданный дождь,
а там, где дождь, – забытая пустыня.
И так всю жизнь по крайностям идёшь
то с полными руками, то с пустыми.

Обходишь ночью блоковский фонарь
и хочешь взвять на звёзды, как собака,
не зная звёзд... и на какой алтарь
молиться вслух стихами Пастернака.

Проходит всё. Проходят все. И ты
проходишь тихо, не сказав ни слова
о том, как ранние в снегу цветы
во имя глупости цвести готовы.

На берегу Вселенной есть рыбак.
Он ловит звёзды, трогает их, нюхает
и отпускает снова, что никак
им не даёт со временем потухнуть.

Купил булку хлеба и сборник Мандельштама
не знаю с чего начать
хромает небо
улицы раздвигают квадратные колени
и сдвигают обратно
хлеб покрывается плесенью

■ В. Нацентову

Сойти с усталости, как с поезда.
К чему иначе поездам
таскаться к северному полюсу
и снова к южным городам?

Остановиться от случайностей,
возникших на моём пути,
и не понять, как получается,
что снова хочется идти,

идти к событиям, к автобусам,
вдоль армии таксистов и...
И в согласованности с совестью
бессовестно писать стихи,

не ограничиваясь точками
и запятыми на конце,
за каждым дымом или строчкою
спокойно вглядываться в цепь

из единиц, скреплённых лицами,
забытых где-нибудь вчера.
И рвётся эхо за границами
настенного календаря.

■ Чужие журавли

Здесь опоздали, там и не успеть,
а где успели — смысла никакого.
На перекур — холодные балконы,
холодные балконы или смерть.

За хмуростью погоды и бровей
все происходит нежное не с нами:
так и живём — чужими журавлями,
не замечая — наших журавлей.

Но есть они, как накипь кипятка,
как люстра, только с прогоревшей лампой,

как ливни, слизывающие с лапы
двускатных крыш изнанки потолка.

Они летают креном над страной,
страной забытых, но не нами — взглядов
на уровне зацепленных снарядов
ещё несуществующей строкой.

Они летают — наши журавли,
не знаю где, но знаю точно — где-то
за время выкуренной сигареты
и безответной речи о любви.

А между тем, дрожащею рукой
вот-вот, но, не касаясь подбородка,
стоит, как будто вкручена отвёрткой,
скрипачка над дрожащею толпой.

Она играет в лоб, между бровей
и — в степь, на расстояние между нами.
Послушай! Над чужими журавлями
она играет наших журавлей!

Амангельды РАХМЕТОВ,
Казахстан. Goşgular